

МИГРАЦИЯ В КИТАЙ ИЗ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. И. Обирин

Тихоокеанский государственный университет

Поступила в редакцию 12 октября 2020 г.

Аннотация: как правило, в российских трудах, посвященных проблемам миграции, предметом исследования выступает изучение миграции на территорию России из сопредельных стран. Однако сегодня все большее значение приобретает миграция из России в ближние и достаточно удаленные страны. В статье рассматривается миграционный поток, идущий из российского Дальнего Востока в страны Восточной Азии, главным образом, в Китайскую Народную Республику. Этот поток, как показывается в статье, достаточно сложно организован и структурирован. Он складывался в разное время, под действием разных факторов, различно ориентирован в отношении длительности пребывания на территории Китая. Раскрыть структуру этого потока, проанализировать формы его внутренней коммуникации мы попытаемся в настоящей статье. В работе делается попытка классификации миграционного потока по сфере деятельности, длительности пребывания и степени легальности.

Ключевые слова: миграция, Китай, Дальний Восток России, социальные сети, правовые факторы, потенциал миграции.

Abstract: as a rule, in Russian works on migration issues, the subject of the study is the study of migration to the territory of Russia from neighbouring countries. Today, however, migration from Russia to near and rather remote countries is becoming increasingly important. The article considers the migration flow from the Russian Far East to the countries of East Asia, mainly to the People's Republic of China. This flow, as shown in the article, is rather difficult to organize and structured. It developed at different times, under the influence of different factors, is differently oriented with regard to the duration of stay in China. To reveal the structure of this flow, to analyze the forms of its internal communication we will try in this article. The work attempts to classify migration flow by sphere of activity, duration of stay and degree of legality.

Key words: migration, China, Russia's Far East, social media, legal factors, migration potential.

Актуальность проблемы

Исследования международной миграции стали сегодня одним из наиболее популярных направлений не только в социологии, но и в экономике, демографии и других смежных областях. Не исключение и российские исследования. Тема международной миграции на постсоветском пространстве [1] была более или менее явно развернута на проблематику освоения пространства России мигрантами из новых независимых государств. О международных мигрантах как особой социальной группе, оказывающей определенное влияние на «принимающее сообщество», писалось уже не один раз [2]. Рассматривалась структура миграционного сообщества, формы внутренней коммуникации и коммуникации с внешним окружением.

Миграция как объект познания и управления

Несколько иначе складывалась эта проблематика на Дальнем Востоке России, где именно проблема «китайских мигрантов» была основной вплоть до

середины первого десятилетия текущего века. Однако с некоторого момента эта тема начинает преобладать и в штудиях дальневосточных исследователей миграции [3], оттесняя на периферию проблему китайской миграции. Причина такого смещения региональных акцентов достаточно понятна. Китайские гастарбайтеры постепенно отходят в «прошлое». Так, начиная с 2013 г. предприятия округа даже не могут «выбрать квоту» на мигрантов из Китайской Народной Республики (далее – КНР). Поток временных рабочих из Китая, ставший массовым с 1998 г., постепенно уменьшается и сегодня практически исчезает. Им на смену приходят китайские предприниматели, туристы, ученые и т. д. В то же время государственные мегапроекты в регионе привели к «завозу» множества строителей из центральноазиатских государств.

Гораздо менее популярна у исследователей тема миграции жителей Дальнего Востока в страны Восточной и Юго-Восточной Азии (далее – ЮВА). В Южной Корее, Таиланде, Вьетнаме и других странах региона возникают относительно устойчивые русские диаспоры с уже сложившейся структурой, включая собственные газеты, некоторый (часто тене-

вой) бизнес и т. д. Но лидером здесь, безусловно, выступает КНР [4]. Если еще на рубеже веков этот процесс носил эпизодический характер, то сегодня он уже статистически значим. При том, что получить точные данные достаточно сложно в силу специфики их фиксации, по экспертным оценкам (до падения курса рубля) число жителей Дальнего Востока России, проживающих в странах ЮВА длительный срок, составляло до трети общего миграционного потока из региона. Сегодня некоторые из них (особенно из Таиланда) возвращаются в Россию. Однако общая численность выезжающих не особенно уменьшается. Скорее, меняется структура миграционного потока.

При этом все более явно ощущается дифференциация этого потока по странам, целям и формам адаптации. С целью описания структуры этого относительно нового миграционного потока было предпринято интервьюирование (23 интервью) граждан России, проживающих длительное время в Китае, но юридически прописанных в городах Дальневосточного региона (это наиболее типичный вариант).

Верхний ярус потока составляют предприниматели, которые в силу различных причин решили вложить средства в экономику сопредельного государства. Вместе с тем сами предприниматели часто живут не в Китае, ограничиваясь вложением средств и деловыми поездками. В интервью упоминались Таиланд и Вьетнам. В то же время живущие в этих странах российские предприниматели в основном вкладываются в логистику и туристический бизнес, досуговую инфраструктуру.

В Китае в качестве мест концентрации отечественной (региональной) бизнес-элиты упоминается Макао и Шанхай. Запрет (ограничение) на игровой бизнес, как предполагалось, должен был привести к тому, что бывшие владельцы казино и букмекерских контор вложат деньги в оставшиеся на территории России «игровые зоны». Но реальность оказалась иной. Изменение отечественного законодательства привело к тому, что значительная часть владельцев казино предпочли вложить деньги не в игровую зону на о. Русском, а в Макао, выполняющий функцию Лас-Вегаса для континентального Китая. Шанхаю отдают предпочтение предприниматели, связанные с логистикой, мореходством и т. д. При этом наибольший урон в России потерпели городские бюджеты Благовещенска и Биробиджана.

Упоминался русский бизнес применительно к Даляню и другим центрам Северного Китая, но без конкретизации. Лишь в одном интервью встречались «лесной» бизнес и логистика. Несмотря на достаточно жесткие условия эмиграции, российские бизнесмены говорят о годах, проведенных в КНР, о «фирмах», которые облегчают процесс продления визы или иной формы легализации в Китае. Крайне значи-

мый, согласно интервью, фактор этого бизнеса – «наличие друзей в Китае». Продолжает, хотя и в резко уменьшившемся масштабе, существовать приграничная торговля. В двух случаях упоминается бизнес, связанный с сельским хозяйством.

Особенности миграции в современных условиях Дальнего Востока

Следующей группой являются приглашенные специалисты. Как правило, это специалисты в сфере туризма (обслуживание соотечественников и туристов из Европы), арт-рынка (в рекламе предпочтение отдается лицам с европейской внешностью), сервиса (бармены, официанты и т. д.). В целом, эта группа, хоть и не особенно видна, но численно значима. Причем она более значима в прибрежных провинциях, в том числе на Юге страны, чем на Севере. Развивающийся арт-бизнес Китая, как и становящаяся досуговая сфера, достаточно плотно заполнены выходцами из России, в том числе выходцами из русского Дальнего Востока. Музыканты и актеры, художники и мастера хореографии все чаще едут в КНР не только на гастроли, но приглашаются на длительный контракт. Правда, чаще речь шла не об официальной концертной деятельности, а о выступлении в ресторанах, гостиницах и иных элементах индустрии гостеприимства.

Достаточно значительный сегмент в этой группе составляют инженеры, преподаватели русского языка, архитекторы из России. Как отмечалось в интервью, китайцы охотно внедряют изобретения, которые «у нас годами пылятся под сукном». Здесь проще получить финансирование под архитектурную идею, внедрить новый материал, поставить на поток новый тип станка и т. д. До недавнего времени значительную подгруппу в группе специалистов составляли преподаватели иностранных языков. Не только позиции преподавателей русского языка как иностранного, но и преподавателей европейских языков замещались выходцами из России. Сегодня этот процесс несколько осложнен рядом правовых новаций. Но, как упоминалось в интервью, «китайцы всегда найдут возможность повернуть закон в нужную сторону». Упоминаются в интервью русские представители в торговых предприятиях, имеющих отношения с Россией. Сегодня можно говорить о вполне сложившейся инфраструктуре приглашения российских специалистов, главным образом, в провинциях Северного Китая, наличии инфраструктуры и в Китае, и в России, обслуживающей этот поток. И если подобная инфраструктура в сфере арт-бизнеса и индустрии гостеприимства не всегда полностью легальна, то приглашение специалистов чаще регулируется межгосударственными, межрегиональными и т. д. договорами. Хотя, согласно мнению респондентов, здесь тоже имеется «тень», когда должность, на которую

приглашен специалист, не соответствует его реальной занятости. С недавних пор значимой группой специалистов, работающих в Китае, становятся пилоты гражданской авиации. Усиление административного давления на авиакомпании в России выдавливает пилотов из России. При этом существенный их поток, особенно на Дальнем Востоке России, направляется в КНР.

Отдельную группу представляют студенты из России [5], обучающиеся в китайских вузах. Официально (по данным Минобрнауки) их число не велико – чуть больше 16 000 студентов. Но здесь учитываются только студенты, использующие каналы профильного министерства. Реально же этот поток существенно более значительный. Сегодня в регионе изучение китайского языка в качестве основного иностранного по распространенности стремительно приближается к изучению английского языка. Растет число российских студентов, обучающихся или предполагающих обучаться в китайских вузах. Наличие стипендиальной программы правительства КНР позволяет наиболее талантливым жителям региона, обладающим определенным знанием китайского языка и знанием английского, обучаться в вузах Китая за государственный счет. Но этим поток не ограничивается. Изначально, еще до появления и популяризации стипендиальных программ для обучения в КНР, часть российских студентов была ориентирована на обучение в Китае. Формы здесь различались [6]. Это были обменные программы китайских и дальневосточных вузов, существующие с начала 1990-х гг. Некоторая часть потенциальных студентов сдавала языковой экзамен и поступала на свой страх и риск в вузы Северных провинций Китая. Здесь тоже за последние годы сложилась достаточно разветвленная инфраструктура, работающая на этот поток. Правда, больше в России (агентства по помощи в поиске вуза, стипендии, подготовке документов), чем в Китае.

Можно выделить две основные стратегии, отмеченные молодыми людьми, обучающимися в КНР. Большая их часть предполагает, получив образование в Китае, выучив на должном уровне китайский язык, обзаведясь дружескими и деловыми связями, вернуться в Россию и уже в России, используя эти знания и связи как ресурс, делать карьеру в качестве работника совместного предприятия, дипломатических и т. п. структур. При том, что наши страны активно развивают сотрудничество в самых разных сферах, надежда на этот путь вполне оправдана. Хотя сами респонденты говорили, что их знания – «необходимое, но не достаточное условие» успешного трудоустройства. Несколько меньшая часть обучающихся в Китае ориентирована на то, чтобы делать карьеру за границей РФ. Далеко не всегда это ведет к разрыву с домом и миграции. Связи сохраняются. Здесь тоже существу-

ют варианты стратегии. Часть респондентов отметила ориентацию на продолжение академической карьеры, поступление в магистратуру или на докторские программы. Причем необязательно в КНР. Если для носителей первой стратегии выбор вуза не принципиален, важно, что это государственный китайский вуз, то вторые ориентируются на международную известность вуза, его рейтинг. Определенная группа, судя по интервью, ориентирована на трудоустройство в КНР. Предпочтение отдается бизнес-сфере, но чаще отмечается трудоустройство в сферу образования.

Есть две группы, вполне многочисленные, никак не связанные с производством в этих странах. Первая группа – молодые мамы. Относительный дефицит витаминов и тепла, имеющий место на Дальнем Востоке, привел к убеждению, что раннее детство ребенку лучше проводить в теплой стране. Такой «теплой страной» до самого недавнего времени был Таиланд. Сегодня в этом качестве нередко используются курортные города южной части КНР. При этом мужья, как правило, остаются «на вахте», чтобы дать возможность своим детям и женам набираться сил, ультрафиолета и витаминов. Хозяйственной деятельности по понятным причинам эта группа не ведет, выступая лишь потребителями услуг курортных и медицинских центров страны.

Еще более экзотическая группа временных, но никак не трудовых мигрантов сформировалась в приграничных (северных) курортных городках КНР. Это российские пенсионеры. В городах Хуньчунь, Хейхе, Удалянци и некоторых других вывески на русском языке уже потеснили объявления на путунхуа. Дело в том, что наличие трехкомнатной квартиры в Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске или Комсомольске-на-Амуре является даже сегодня вполне достаточной основой для комфортного проживания в этих городках-курортах с развитой медицинской инфраструктурой, приличной экологией и отсутствием неприятных социальных эксцессов. В интервью конца 2014 г. указывалась цена за съем двухкомнатной квартиры в Хуньчуне, которая составляла 12 тысяч рублей в месяц при том, что в Хабаровске аналогичное жилье худшего качества сдавалось за 25–28 тысяч рублей. Остаток позволял пенсионерам не только гораздо более полноценно питаться, но и потреблять медицинские услуги, недоступные «дома». Даже скачок юаня по отношению к рублю не уничтожил эту группу, но лишь несколько снизил уровень потребления. Жизнь в приграничном Китае пока остается дешевле, чем на Дальнем Востоке России, а условия жизни – комфортнее.

Говорить о том, что в Китае, особенно в Северных провинциях, сложилась русская диаспора вроде той, что сформировалась во второй половине 20 в., пока не приходится. Лишь в четырех интервью гово-

рилось об устойчивой коммуникации с согражданами. Чаще контакты носят эпизодический характер, охватывают сферу досуга, а не деловые пространства. Однако процесс становления диаспоры уже начинается. Выходцы из России не только интегрируются в принимающее сообщество, но создают собственную инфраструктуру. Поскольку Китай – огромная страна с очень разными условиями, различна и скорость формирования диаспор.

При анализе этого миграционного потока необходимо учесть, что получение полноценного гражданства упомянутых стран и даже постоянного вида на жительство – процесс почти не реальный. Соответственно, все или почти все категории мигрантов из Дальнего Востока России продолжают поддерживать отношения с миром «за речкой». Более того, они все чаще выступают проводниками российского бизнеса в Китае и иностранного (по большей части китайского) бизнеса в России [7]. Пока речь идет только о региональном бизнесе. Центральные власти этот ресурс не замечают и не используют в основном потому, что просто не знают о его существовании и не умеют с ним работать.

В результате сопредельная страна «ородняется», становится привычной, множество бытовых практик переносится из сопредельных стран в российское Приграничье [8].

Соответственно, Северный Китай, гораздо более плотно освоенный русскими, наполняется русской символикой, русским языком и социальными практиками. Взаимопроникновение становится источником новой реальности, отличной и от российской, и от китайской реальности Трансграничья. Это явление, как правило, оценивается амбивалентно, хотя преобладают и негативные оценки.

Вместе с тем наличие такого «русского Китая» позволяет реализовать не просто политическую интеграцию наших стран, но, что гораздо важнее, войти в социальные сети сопредельного государства, получить возможность контактировать в публично-приватной сфере, где формируется межличностное доверие, возникают реальные социальные контакты, строится бизнес и политика.

Таким образом, миграция населения как объект исследования привлекала и продолжает привлекать ученых из всех отраслей науки. Миграция как массовое явление характеризуется демографическими, экономическими, социально-структурными, политическими, нравственными, социально-культурными показателями, еще с давних времен играла огромную роль в истории человечества, именно с ней связаны процессы развития производительных сил, образования, а также смешения рас, народов и языков, что отчетливо просматривается в современных условиях

Дальнего Востока и непосредственно в отношениях между Россией и Китаем.

Вместе с тем, приступая к подготовке социологических исследований содержания миграционных процессов из Дальнего Востока России, особенно молодежного контингента, в Китай, необходимо четко определиться с теоретико-методологическими основаниями исследования и подходами к определению объекта и предмета исследования с целью корректного определения его границ и значимых характеристик.

Выбор единиц социологического анализа должен учитывать определенную исследовательскую перспективу и основываться на анализе проблем повседневной жизни мигрантов:

- 1) социальной интеграции и социальной изоляции;
- 2) принадлежности мигрантов России к различным национально-этническим и социально-культурным общностям и группам;
- 3) влияния этой принадлежности на социально-экономические процессы в принимающих сообществах Китая.

Таким образом, главная задача на сегодняшний день не сдерживание миграции, а ее постоянное регулирование путем превращения безвозвратной миграции в возвратную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Олимова С. Внешняя миграция таджиков: традиции и современность / С. Олимова // Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию: сборник научных трудов / под ред. В. А. Ламина, Г. С. Витковской; Новосибир. гос. ун-т. – Новосибирск, 2003. – С. 109–137.
2. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. – Иркутск: Оттиск, 2013. – 624 с.
3. Мищук С. Н. Современные миграционные процессы на Дальнем Востоке (на примере ЕАО) / С. Н. Мищук // Экономика региона. – 2011. – № 1. – С. 50–57.
4. Бляхер Л. Е. Русские в Китае: социологический анализ миграционного потока / Л. Е. Бляхер, К. В. Федорева // Вестник ТОГУ. – 2009. – № 4. – С. 34–39.
5. Леонтьева Э. О. Ценностные ориентиры и миграционные настроения молодежи Хабаровска / Э. О. Леонтьева, М. В. Садловская // Регионалистика. – 2017. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientiry-i-migratsionnye-nastroeniya-molodyozhi-habarovska> (дата обращения: 23.09.2018).
6. Арефьев А. Л. Российские студенты в Китае / А. Л. Арефьев, К. А. Любская // Демоскоп Weekly. – 2017. – № 715–716. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0715/tema01.php> (дата обращения: 23.09.2018).

7. Рыжова Н. П. Приграничная «народная торговля» в Благовещенске как форма китайско-российского симбиоза / Н. П. Рыжова // Диаспоры. – 2003. – № 2. – С. 28–45.

Тихоокеанский государственный университет
Обирин А. И., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и регионоведения
E-mail: lazoobirin@mail.ru

8. Лукин А. Эволюция образа Китая в России и российско-китайские отношения / А. Лукин // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 3. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/29/lukin.html> (дата обращения 23.09.2018).

Pacific National University
Obirin A. I., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, Political Science and Regional Studies
E-mail: lazoobirin@mail.ru